

Сказка Ли Юнаса " Анвэрская чайка "

Неподалёку от Анвэра лежит каменистый птичий островок; и никому туда не высадиться, когда на море беспокойно. Волны то набегут на островок, то отхлынут вновь.

В погожий летний день кажется, что на дне морском, словно сквозь туманную дымку, поблёскивает золотой перстень. И ходило со стародавних времён в народе предание, будто это — сокровище, что от какого-то затонувшего разбойного судна осталось.

А на закате маячит порой вдаль корабль с башней на корме, и отблески солнца вспыхивают на высокой старинной башенной галерее. И чудится, будто плывёт корабль в ненастье, зарываясь носом в тяжёлые, белопенные буруны.

Вдоль шхер сидят чёрные чайки и высматривают сайду.

Было, однако же, время, когда чайкам этим вёлся строгий счёт. Никогда их ни больше, ни меньше двенадцати не водилось, а на голом камне, туманной дымкой скрытая, сидела на взморье тринадцатая; так что видеть её можно было только, когда она снималась с места и улетала.

Зимой, когда рыболовный промысел подходил к концу, оставались в посёлке у моря лишь женщина да девочка-подросток.

Кормились они тем, что караулили вешала с неводами от крупных пернатых хищников да воронов, которые так и норовили ободья клювом продолбить.

Волосы у девчонки были густые и чёрные как смоль, а диковинные глаза её все поглядывали на чаек, что вдоль шхер сидели. Да по правде-то говоря, ничего примечательнее видеть ей в жизни не доводилось. А кто её отец, того никто не ведал.

Так и жили они, пока девочка не подросла.

И тогда молодые парни стали на рыбный промысел наперебой, чуть не задаром, наниматься, только бы в посёлок поехать. А ездили промысловики туда в летнюю пору за вяленой треской.

Кое-кто и паем своим и местом на корабле поступался, а на хуторах и в посёлках сетовали, что нынче-де немало помолвок в округе расстроилось.

А виною тому была девушка с загадочными глазами.

Неухоженная и неприбранная, а умела на диво парней завлекать. Как словом с парнем перемолвится, так он уже ею бредит, и чудится ему, будто он и дня без той девушки прожить не может.

Однажды зимой посватался к ней парень с достатком; был у него и двор свой и хижина рыбачья.

— Вот как в летнюю пору воротиться да заветный перстень золотой мне на обручение подаришь, — сказала она, — тогда пожалуй!

И воротился летом тот парень снова.

А рыбы у него на вывоз была уйма. И посулил он ей тогда перстень золотой, такой драгоценный да тяжёлый, какой только пожелает.

— Тот, что мне надобен, — сказала она, — в железном сундучке на каменистом островке спрятан. Коли любишь, так не побоишься его добыть.

Тут парень побледнел.

Он увидел, как в ясный, тёплый летний день, точно стена белой пены, поднимались да опускались в море у островка буруны. А на камнях сидели чайки и спали на солнце.

— Люблю я тебя очень, — сказал он, — но, коли поеду туда, быть похоронам, а не свадьбе.

В тот же миг снялась с прибрежного валуна скрытая пенной дымкой тринадцатая чайка и полетела прочь.

На другую зиму к девушке кормщик из рыбацкой ватаги посватался. Два года он из-за неё сам не свой ходил.

И ему она такой же ответ дала:

— Вот как в летнюю пору воротиться да заветный перстень золотой мне на обручение подаришь, тогда пожалуй!

Воротился он под самый Иванов день.

А как услышал, где запрятан перстень, так сел и заплакал; проплакал он весь день и весь вечер, до тех пор, покуда в морских волнах на северо-западе не начали солнечные лучи играть.

Снялась тут с прибрежного валуна чайка и полетела прочь.

На третью зиму разыгралась страшная буря. Немало тогда парусников опрокинулось. А на днище лодки, что плывёт меж валунов, распластался привязанный кушаком обеспамятевший юноша.

Уж и трясли его, и тормозили, и катали. Но не в силах были его оживить.

Тут явилась девушка.

— Это мой жених! — сказала она.

Взяла она его в объятия и всю ночь ему сердце отогревала. А как утро настало, сердце и забилось.

— Чудилось мне, будто голова моя меж крыльями чайки покоилась и к её пуховой груди прижималась, — сказал он.

Был юноша прекрасен собой, светловолос, кудряв и не мог от девушки глаз отвести.

Нанялся и он рыбу промыслять.

Но только и думы у него было, как бы ему с той девушкой словом перемолвиться, будь то на утренней зорьке или на вечерней.

И случилось с ним все так, как с другими.

Не думал он, что сможет без неё прожить. В тот самый день, как ему уезжать, взял он да к ней и посватался.

— Тебя я обманывать не стану, — сказала она. — Голова твоя у меня на груди покоилась, и будь моя воля тебя от напасти уберечь — жизни бы не пожалела. Твоя буду, коли наденешь мне на палец перстень обручальный. Но не удержишь мне тебя дольше, чем на день. И ждать тебя и томиться по тебе до самого лета буду.

Под Иванов день приплыл юноша в своей лодке на остров.

И рассказала она ему тогда про перстень, что надо было на шхерах добыть.

— Спасла ты меня со дна морского, так в твоей воле меня туда вернуть, — сказал юноша. — Без тебя мне не жить.

И только он на весла сел на островок плыть, как вскочила она к нему в лодку и на корме уселась. Была она вся белая и какая-то диковинная.

Стоял погожий летний день, и волны сверкали и катились по морю.

Юноша сидел, не сводя с неё глаз. Грёб он, грёб, покуда к самой шхере не подъехал, а вокруг него гремели и грохотали волны прибоем, а брызги бурунов и морской пены вздымались точно башни.

— Ворочайся, коли жизнь тебе дорога! — сказала она.

— Ты мне дороже жизни! — ответил он.

Но в тот самый миг, когда юноше показалось, будто нос лодки зарылся в воду, а развершаяся пред ним морская пучина грозила смертью, вдруг все стихло. И лодка смогла причалить к берегу, а морские валы перестали биться о скалы.

На каменистом островке лежал старый, заржавелый якорь, наполовину утопленный в воде.

— В железном сундучке под этим якорем моё приданое, — сказала она. — Перенеси сундучок в лодку. И перстень мне на палец надень. Этот перстень нас с тобой обручит. И я твоя, покуда солнечные лучи не начнут в волнах на северо-западе играть.

То был золотой перстень с алым самоцветом; надел парень перстень ей на палец и поцеловал её.

На шхерах в расселине скал виднелась зелёная лужайка.

Там они и уселись. И, откуда ни возмись, появились еда и питьё, и кто-то им прислуживал. Но он этого не замечал, да от радости великой и думать о том не стал бы.

— Иванов день хорош, — сказала она, — я молода, а ты — жених мой. Так взойдём на ложе брачное.

И была она так прекрасна собой, что он себя от любви не помнил.

Но, перед тем как настала ночь, в тот миг, когда предзакатные лучи начали в открытом море играть, поцеловала она его, роняя слезы.

— Этот летний день хорош, — сказала она, — а вечер ещё краше. Но уже смеркается.

И вдруг ему почудилось, будто она стала стариться у него на глазах, а потом растаяла, как облако.

А когда солнце за край моря село, остались перед ним на шхерах лишь её разбросанные льняные одежды.

Стояла тишина, и лишь двенадцать чаек летали над морем в светлую Иванову ночь.